

представляла себе не как специфически буржуазную, а как общечеловеческую, заимствуя при этом многое от придворной культуры, поскольку именно двор был средоточием культурной жизни того времени. Но было бы неверно видеть в этом раболепное приспособление художников классицизма к придворным вкусам. Эти вкусы были для них социально-нейтральными нормами хорошего вкуса вообще, точно так же, как «король солнца» олицетворял идеал сословно-нейтральной, возвышающейся над всеми сословными интересами абсолютной власти. В этом смысле и герои классицистической трагедии, несмотря на свой высокий сан или, вернее, именно благодаря ему, были также сословно-нейтральными персонажами.

Считая трагедии Корнеля и Расина построенными на «материале двора» и «дворянского общества», т. е. отождествляя их персонажи с определенным социальным и при этом аристократическим типажем, мы совершаем глубочайшую ошибку. До понятия социального человека XVII век не дошел. Открытие социальной психологии было одним из главных открытий XVIII века, века Вольтера и Руссо, Просвещения и буржуазной революции. И характерно, что такие представители этого века, как Вольтер и Лессинг, отчетливо сознавали социальную нейтральность персонажей театра Корнеля, Расина и Мольера, подчеркивая именно общечеловеческую сущность этих персонажей. Упомянув в предисловии к «Мариамне» «Британика», «Федру» и «Митридата» в качестве трагедий, «основанных на частных интересах отдельных государей», Вольтер усматривает их основное значение в изображении «страстей», «которые мещане чувствуют так же, как и государи».⁴² Высокий сан трагических героев это оправа, придающая их естественным общечеловеческим страстям и судьбе необходимые для трагедии грандиозность и величественность, которые обеспечивают максимальное действие той или другой страсти в ее наиболее полном проявлении, свободном от всего внешнего и случайного. Это обстоятельство со своей осуждающей классицизм точки зрения засвидетельствовал и Лессинг: «Имена принцев и героев могут придать пьесе пышность и величие; но нисколько не способствуют ее трогательности. Несчастья тех людей, положение которых очень близко к нашему, весьма естественно, всего сильнее действуют на нашу душу, и если мы сочувствуем королям, то просто как людям, а не как королям».⁴³ Признавая, таким образом, общечеловече-

⁴² Voltaire. Oeuvres complètes..., т. I. Paris, 1835, стр. 111.

⁴³ Лессинг. Гамбургская драматургия. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 56.